

КАК ПОССОРИЛИСЬ ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ФОН С ПЬЕРОМ ОГЮСТЕНОМ КАРОНОМ ДЕ

"Прафауст" и пьеса Гёте "Клавиго"

Вот и всё - 1999 - 8 стр. - с 7
Два дня подряд на двух сценах ТЮЗа шел немецкий "Прафауст" и русский "Пушкин. Дуэль. Смерть" Камы Гинкаса. А руководство театра хваталось за голову: во время самых задушевных сцен "Пушкина" из большого зала с шумом вываливала на антракт публика "Прафауста"; а в аккурат на тихое любовное объяснение Фауста и Гретхен попадали крики госпожи Вяземской, которые неслись с верхнего этажа театра. Два гения мировой литературы переплелись еще теснее.

Идея "Фауста", как известно, не отпускала Гёте с двадцати лет до глубокой старости. Руководитель театра Бохума и режиссер "Прафауста" Юрген Крузе предпочел иметь дело с ранней версией шедевра, где Фауст, соблазвивший богобоязненную Гретхен, — молодой человек. "Так мы расширяем свою аудиторию. Потому что круг тех, кого интересуется классический вариант, сужается до круга старых мужчин, которые интересуются молоденькими девушками", — шутят в театре. Уж не знаю, для дополнительного ли расширения аудитории, но начальный монолог Фауст (Вольфрам Кох) читает, обнажаясь не только душевно, но и вполне прозаически, оставив из одежды только перекрученную на плечах рубашку.

А так "Прафауст" был полон скромного обаяния добропорядочного и скучного бюргерского вечера. Нам неспешно рассказывали страшную сказку о проданной душе да загубленной вместе с честью любви. Но при этом его "подперчили" привычным для немецкого театра экспрессивным натурализмом. Помимо Фауста, в задумчивости спустившего кальсоны, — окровавленная рубашка Гретхен, скрученный из веревок "труп" загубленного ребенка. Впрочем, Юдит Розмайр (Маргарита), в игре которой переплелись страсть и невинность, — один из редких аргументов в защиту "Прафауста". Принципиальной

находкой режиссера стала смена пола Мефистофеля (Сабине Орлеанс), который оказался женщиной. — плотоядной и циничной сводней, способной лишь провоцировать и смаковать чужой разврат. Вот и подумаешь, прав ли был поэт, утверждая: "Чего хочет женщина, того хочет Бог".

Второй спектакль по пьесе Гёте "Клавиго" (на снимке) поставил Штефан Шмидтке из театра "Баракке", привоз которого в Россию, по словам Михаэля Кан-Аккермана, может спровоцировать Государственную Думу на закрытие Немецкого культурного центра. Однако альянс Шмидтке и актеров Омского драмтеатра (того самого, что однажды отхватил три "Золотые маски") родил спектакль столь невинный, что Дума может только умилиться.

Невзрачность актерской игры частично компенсировалась культурой речи омичей, которые очень свободно проговаривали все фразеологические изыски классицизма, почти не востребованного нашим веком. (По крайней мере "Клавиго" в России не ставился аж с середины XIX века). Хотя в свое время не успел "Клавиго" выйти из-под пера Гёте, как спровоцировал скандал между Гёте и Бомарше, чьи дневники легли в основу пьесы (см. заголовки). Великий комедиограф, как Илюшенко какой-нибудь, обиделся на то, что Гёте вывел его таким зацикленным на мести ревнивцем. Из дневников Бомарше Гёте взял историю его сестры, которая в Испании была брошена женихом, а от себя заставил ее зачахнуть и умереть, а неверного жениха Клавиго — описать свою неверность в чувствительнейшей пьесе. Такой "сюжет для небольшого рассказа" вполне мог быть списан с биографии самого Гёте, который тоже многих красавиц заставил помучиться. Те, правда, в отличие от Мари Бомарше (Мария Степанова) находили себе и утешения, и других мужей.

